

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В «ДРЕВНИХ РОССИЙСКИХ
СТИХОТВОРЕНИЯХ» КИРШИ ДАНИЛОВА

Категории времени и пространства являются основополагающими в историческом сознании. Рассматривая то или иное событие, профессиональный историк укажет, прежде всего, когда и где (хотя бы приблизительно) оно произошло. И если ни то, ни другое не известно, факт не будет восприниматься как исторически достоверный. Однако в разные эпохи и у разных народов понимание времени и пространства было различным. Как показали фундаментальные исследования М. А. Барга, Ф. Броделя, Дж. Коллингвуда [Барг; Бродель; Коллингвуд] и как пишет А. Я. Гуревич, «человек не рождается с “чувством времени”, его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит» [Гуревич, с. 44]. А потому, не существует и универсального, общего для всех осмысления прошлого.

Обращаясь к изучению «народной» версии русской истории, отразившейся в фольклоре, мы также сталкиваемся с проблемой исследования ее своеобразной системы координат, а именно с необходимостью выяснить: по какому принципу в исторической памяти происходило упорядочивание множества событий? Формировали ли знания о прошлом единую структуру или оставались разрозненным набором сюжетов? На основе чего определялось место каждого отдельного события в этой структуре и каково было значение его пространственной и временной привязки?

Своеобразие сохранения и передачи исторических фактов в устном народном творчестве неоднократно отмечалось исследователями. Наибольшее освещение его историческое содержание получило в контексте дискуссии о происхождении и историзме былин. Уже в XIX в. сформировалось несколько противоположных точек зрения на этот вопрос. Так, мифологическая школа (Ф. И. Буслаев, О. Ф. Миллер) возводила былинные и сказочные образы к архаичным доисторическим мифам. Представители школы заимствования (В. В. Стасов, А. Н. Веселовский, М. Г. Халанский) полагали, что эпические сюжеты мигрировали от одного народа к другому. Наконец, историческая школа (В. Миллер) стремилась увидеть в основе былин непосредственно события русской истории. Не утихли споры и в советское время. Если Б. А. Рыбаков и М. М. Плисецкий, придерживаясь принципов историзма, искали параллели сюжетам фольклора в летописании, то В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов считали эпос художественным изображением некоей идеальной, никогда не существовавшей действительности и народных чаяний. Обе точки зрения объединил С. Н. Азбелев, полагавший, что, хотя былины имели под собой историческую основу, они передавали лишь сущность событий, получивших исключительный отклик в народной памяти, поэтизируя и интерпретируя их в соответствии с законами развития устного эпического жанра.

При всех этих, на первый взгляд, непреодолимых противоречиях представители разных школ фольклористики, однако, соглашались с тем, что сами исполнители в историчность эпоса, как правило, верили. «Если спросить певца, верит ли он в то, о чем поет, большинство из певцов ответит непоколебимой уверенностью в действительности воспеваемых событий» [Пропп, с. 261]. Подобные замечания мы находим у многих исследователей и собирателей (см.: [Миллер, с. 30; Плисецкий, с. 142–149; Путилов, 1997, с. 65–66; Азбелев, с. 23] и др.). Д. С. Лихачев отмечал, что исторические реалии сохраняются в эпосе сознательно, понимание «исторической ценности передаваемого и своеобразные исторические представления народа... обуславливают

устойчивость исторического содержания былин» [Лихачев, 1952, с. 56]. Но верно и обратное: искажение исторического содержания, его обрастание несуществующими подробностями и мифологическими сюжетами также соответствовали бытовавшим представлениям о прошлом. Самые невероятные интерпретации событий могли существовать лишь постольку, поскольку они казались уместными и правдоподобными. Воплотившаяся в устном народном творчестве версия русской истории, какой бы далекой от исторической действительности она подчас ни казалась, складывалась под влиянием образа мыслей многих поколений сказителей. И одновременно с этим она же формировала представления о прошлом новых поколений, зачастую воспринимавших ее как истинную «старину».

Таким образом, может быть выделено два подхода к изучению исторического содержания фольклора. Первый связан с проблемой его изначального формирования и отвечает на вопрос, какое отражение исторические события и факты находили в устном народном творчестве. Второй же предполагает концентрацию внимания на его восприятии в XVIII–XIX в., на том, какой образ прошлого создавался у носителей традиции на основе перенятых ими «от стариков» былин и исторических песен. Данная проблема лежит в контексте изучения исторического сознания Нового времени и заслуживает отдельного освещения.

Настоящая работа представляет собой попытку восстановить пространственно-временную картину, существовавшую в сознании сказителя XVIII в., и выявить структуру его исторических представлений на основе сборника «Древних российских стихотворений, собранных Киршею Даниловым».

Этот уникальный источник привлекает внимание исследователя по целому ряду причин. Прежде всего, это самая ранняя из известных нам записей русских былин (не считая их прозаических пересказов в рукописных сборниках), притом сделанная с высочайшим профессионализмом и точностью. История ее появления на свет долгое время оставалась загадкой. Было известно лишь, что на рубеже XVIII–XIX в. сборник попал к своему первому издателю А. Ф. Якубовичу «случайно», вероятно, от наследников владельца уральских заводов Прокофия Акинфиевича Демидова и что на первом, в дальнейшем утерянном, листе рукописи якобы значилось имя Кирши Данилова [Горелов, 2000, с. 5–7]. Лишь в XX в. архивные открытия И. М. Шакинко и А. А. Горелова позволили установить, что Кирилл Данилович был приписным крестьянином на заводах Демидовых и, кроме того, был известен как музыкант и исполнитель песен [Шакинко; Горелов, 1962]. В настоящее время предположительная биография Кирши подробно восстановлена В. И. Байдиным [Байдин]. Им же была предпринята попытка и более точной датировки сборника. Если ранее исследователи относили его к 1740–1760 г., из которых наиболее вероятными А. А. Горелов считал 1742–1745 г. [Горелов, 2000, с. 37], то, по мнению В. И. Байдина, запись могла вестись на Невьянском заводе в течение осени 1761 – марта 1762 г. [Байдин, с. 158].

Отдельный интерес для историка представляет состав сборника. Из зафиксированной в нем 71 песни с нотами не менее 46 (то есть две трети) имеют отсылку к историческому прошлому. Такое соотношение исключительно для песенников XVIII в., состоящих в основном из лирических и семейно-бытовых баллад, и может свидетельствовать о целенаправленной записи песен, повествующих именно о «временах стародавних». Возможно, это почувствовал и А. Ф. Якубович, окрестивший рукопись говорящим названием — «Древние российские стихотворения». «С точки зрения читательской, в условиях послепетровского времени “Сборник” был в первую очередь средоточием исторической — в полном и широком смысле слова — народной поэзии, он должен был восприниматься как сборник произведений об историческом прошлом, как своеобразная художественная старина», — отмечал Б. Н. Путилов [Путилов, 1966, с. 34].

Косвенным признаком некоторого отбора материала может являться и тот факт, что в сборнике зафиксирован явно не весь репертуар Кирши. Одна из не вошедших в него песен упоминается в письме Акинфия Демидова от 7 мая 1741 г.: «Я слышал в истории у Кирилы Даниловича: звал зять тещу к себе в гости к празднику, ко Христову дни, а она к нему приехала к Петрову дни, а между тем все збиралась да наряжалась» [Горелов, 2000, с. 33]. Невозможность записи абсолютно всех песен могла быть вызвана объективными причинами. Однако кажется, что все же существовал некий изначальный «заказ» Прокофия Демидова. В 1768 г., пересылая академику Г. Ф. Миллеру песню «о селе Романовском», он отмечает: «Я достал от сибирских людей, понеже туда всех разумных посылают, которыя *прошедшую историю поют на голосу* (здесь и далее курсив мой. — В. Т.)» [Горелов, 2000, с. 18]. Именно эта «прошедшая история», вероятно, и заинтересовала Демидова больше всего. В пользу первоочередности записи песен исторического содержания говорит и то, что они в основном сосредоточены в первой части сборника, в то время как скоморошины преобладают в конце. Таким образом, мы можем предполагать, что само по себе появление этого собрания явилось попыткой фиксации народных исторических представлений. И если это так, можно надеяться, что именно исторический репертуар Кирши находился в центре внимания и был записан более или менее полностью.

Немаловажно, что результаты лексических, текстологических и музыковедческих исследований содержания сборника подтвердили, что произведения действительно представляют собой репертуар одного певца [Колотова; Новиков, 2009; Добровольский; Якубовская]. Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что отразившиеся в этих песнях представления о прошлом уживались в сознании *одного человека*.

Вместе с тем значительная часть песен Кирши встречается впоследствии и у других исполнителей, и, как показал Ю. А. Новиков, варианты их очень близки [Новиков, 2003; Новиков, 2009]. А значит, это собрание является органичной частью бытовавшей сказительской традиции и может служить примером проявления коллективной исторической памяти.

Комплексному изучению сборника как единого памятника долгое время препятствовало отсутствие его полной публикации. Причиной этому были как личные предпочтения издателей, отбравших наиболее ценные, на их взгляд, произведения, так и неблагопристойность некоторых песен Кирши. Из 71 песни сборника первое издание включало лишь 26 песен¹, второе — 61 песню². Научные публикации XX в. также неизбежно содержали купюры, позволявшие опустить скабрзную народную лексику³. И лишь в 2000 г. под редакцией А. А. Горелова сборник был издан полностью⁴.

В результате практически все предпринимаемые ранее исследования сводились либо к попыткам определения авторства и датировки «Древних российских стихотворений», либо к анализу отдельных жанров и даже отдельных текстов, сохранившихся в собрании. Между тем принципиально важным и интересным кажется изучение именно всего сборника целиком. При этом его следует рассматривать не как собрание отдельных разновременных по происхождению песен, а как единый, не разделявшийся в сознании сказителя мемориальный комплекс — отпечаток той картины исторического прошлого, которая существовала в его воображении и перенималась его слушателями.

* * *

События, описываемые Киршей, берут начало от сотворения мира (в духовном стихе «Голубина книга сорока пядей») и далее охватывают период от правления князя Владимира⁵ до

¹ Древние русские стихотворения. М., 1804.

² Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1818.

³ Сборник Кирши Данилова. СПб., 1901; Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1938; М., 1958; М., 1977.

⁴ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым (далее — Кирша Данилов). СПб., 2000.

⁵ Образ князя Владимира в фольклоре является обобщенным и лишь условно может соотноситься с фигурой Владимира Святославича.

царствования Петра I. Совсем не для всех из них мы можем установить реальные исторические прототипы. Более или менее четко они прослеживаются начиная с XIV в. Эпические сюжеты древнейшего периода отчасти в силу значительной мифологизации, а отчасти и из-за слишком малого числа письменных источников, с которыми их можно было бы сопоставить в поиске параллелей, практически не поддаются соотнесению с исторической действительностью. В сборнике Кирши Данилова выделяются:

- 26 не датированных четко былин о временах князя Владимира и древнего Новгорода. Их сюжетами становятся богатырские и княжеская свадьба, состязания в богатстве и удали, борьба с врагами, а героями — богатыри, лишь часть из которых может быть предположительно сопоставлена с именами, упомянутыми в письменных источниках;

- Песня о Щелкане Дюдентевиче и восстании в Твери 1327 г. — древнейший из поддающихся точной датировке песенных сюжетов. Реальные исторические прототипы ее героев — ордынский хан Узбек (в сборнике — «царь Азвьяк») и его двоюродный брат и посол Чол-хан (в сборнике — «Щелкан»);

- 7 песен о событиях XVI в.: о взятии Казани, женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне («Мастрюк Темрюкович»), инсценированной казни царевича Федора Иоанновича, обвинившего в измене бояр Годуновых («Никите Романовичу дано село Преображенское»); трилогия песен о Ермаке («На Бузане-острове», «Ермак взял Сибирь», «Покрай моря синего стоял Азов-город»); об убийстве Михаила Черкашенина («Атаман польской»);

- 9 песен, относящихся к XVII в.: о Смутном времени и борьбе с Литвой («Гришка-Расстрига», «Под Конотопом под городом», «На литовском рубеже»), о походах сибирских казаков («Во Сибирской украине, во Даурской стороне», «Поход селенгинским казакам»), об осаде Риги в 1656 г. («Под Ригою стоял царь-государь»), об убийстве князя Репнина («Князь Репнин»), разбойничьи песни («Усы — удалы молодцы», «О Стеньке Разине»);

- 3 песни начала Петровской эпохи: «Светел-радошен царь Алексей Михайлович» (о рождении Петра), «Об атамане Фроле Минеевиче», «Борис Шереметев» (описанная в этой песне битва под Красной Мызой произошла в 1702 г. и является наиболее поздним из упомянутых Киршей датированных событий).

Такой состав наглядно демонстрирует, что, вопреки возможным ожиданиям, сюжеты, более близкие по времени Кирше Данилову, хоть и изображались им с большим количеством исторически достоверных деталей, не преобладали в записанном репертуаре. Довольно популярные в других рукописных сборниках XVIII в. песни времени Петра I в состав песенника Кирши практически не вошли. Это может быть объяснено как уже упомянутым изначальным замыслом записи наиболее древних сюжетов, так и тем, что они на самом деле могли быть Кирше не известны. Слагавшиеся в Петербурге и европейской части России в начале XVIII в., песни о Петровской эпохе могли быть недостаточно распространены в Сибири и на Урале.

Выстроенная нами хронологическая картина является теоретической. В действительности, у нас есть основания полагать, что для самого сказителя никакой четкой последовательности событий не существовало. Во всем сборнике Кирши Данилова мы встретим лишь одну, и то ошибочную, дату. Она относится к событиям 1609 г. (Кирша датирует их 1619, а именно 7127 г. от сотворения мира), борьбе против литовцев под предводительством Михаила Васильевича Скопина-Шуйского⁶.

Действие подавляющего большинства песен Кирша относит к неопределенным «временам первоначальным»⁷, а сами песни именуется «старинами»:

---

⁶ Кирша Данилов. С. 241.

⁷ Там же. С. 275.

«Благословите, братцы, старину сказать,
как бы старину стародавнюю!
Как бы в стары годы, прежняя,
во те времена первоначальные...»⁸.

Рассуждая об эпическом времени, М. М. Бахтин обращал внимание на то, что оно является «абсолютным прошлым». Оно «лишено всякой относительности, то есть лишено тех постепенных чисто временных переходов, которые связывали бы его с настоящим. Оно отгорожено абсолютною гранью от всех последующих времен, и прежде всего от того времени, в котором находятся певец и его слушатели» [Бахтин, с. 104]. Изучавший художественное время былин Д. С. Лихачев, кроме того, уточнял: «Эта эпическая эпоха — своеобразный “остров” во времени, в “старине”. Этого эпического времени уже нет в исторических песнях XVI—XVII вв. Исторические песни отражают стадильно более новое историческое сознание. В них есть уже представление не только о старине, но и об истории, и о ее движении» [Лихачев, 1979, с. 255—256].

Материал сборника Кириши Данилова заставляет нас воспринимать последнее утверждение критически. Концовка «то старина — то деянье» употребляется здесь 11 раз⁹. Причем «старинами» Кириша называет песни и о богатырских подвигах, и о событиях XVI—XVII в. Таким образом, мы не находим у него принятого в фольклористике размежевания былин и исторических песен. Оба эти термина были введены в научный оборот искусственно и не использовались в народе¹⁰. Такого принципиального контраста между ними, как его выделяют исследователи, сам сказитель не чувствовал. В далекое прошлое попадали для него события происходившие и в Средневековье, и в Новое время:

«В годы прежняя,
времена первоначальныя,
при бывшем вольном царе,
при Иване Васильевиче»¹¹.

Обобщенное понимание старины приводило к заимствованиям, вызывающим явные анахронизмы. Братья Борисовичи, фигурирующие в песне о Щелкане, участвуют в поединке с шурином Ивана Грозного¹². Иван Васильевич, в свою очередь, выводит измену из Киева¹³. На Литовском рубеже бесчинствует Идолище поганое¹⁴, больше известное в фольклоре по противостоянию с Ильей Муромцем [Смирнов, с. 90—101]. А богатырь Суровец Суздалец и вовсе отправляется во времена царя Давыда Евсеевича, упомянутого в «Голубиной книге»¹⁵. Подобные нестыковки, впрочем, не так уж многочисленны.

Отсутствие абсолютной датировки тех или иных событий не отменяло возможности их относительной хронологической привязки. Более или менее устойчивым временным ориентиром для певца могла являться эпоха какого-либо правителя. В сборнике мы встречаем четыре варианта таких упоминаний: «В стольном городе во Киеве, у славного князя Владимира» (формульный зачин, 9 раз почти дословно используемый сказителем)¹⁶, «при бывшем вольном царе, при

⁸ Там же. (sic!)

⁹ Там же. С. 60, 114, 124, 180, 201, 212, 219, 229, 234, 246, 311.

¹⁰ Термин «былина» был введен в научный обиход И. П. Сахаровым в сборнике «Песни русского народа» (1839 г.). Термин «исторические песни» первым использовал Н. В. Гоголь в статье «О малороссийских песнях» (1833 г.).

¹¹ Кириша Данилов. С. 65.

¹² Там же. С. 64, 68—71.

¹³ Там же. С. 281.

¹⁴ Там же. С. 320.

¹⁵ Там же. С. 327, 339.

¹⁶ Там же. С. 81, 86, 103, 132, 140, 149, 154, 181, 195.

Иване Васильевиче» (встречается дважды, один раз развернуто)¹⁷, «Когда светел-радошен во Москве благоверной царь, Алексей царь Михайлович»¹⁸ и «При царе Давыде Евсеевиче, при старце Макарье Захарьевиче»¹⁹. Однако в большинстве текстов, даже при упоминании имен исторических лиц в качестве персонажей старин, Кирша не акцентирует внимания на том, что описываемые события происходят именно в «их время».

Еще одним способом «ориентации во времени» могли служить представления о некоей последовательности событий. Заметная преемственность прослеживается, например, в песнях об Иване Грозном: «Мастрюк Темрюкович», «Взятие Казанского Царства» и «Никите Романовичу дано село Преображенское». Первая из них относится Киршей ко времени, «когда холост был государь, царь Иван Васильевич»²⁰. Во второй он захватил Казань, «воцарился и насел в Московское царство»²¹. А в начале третьей перечисляются уже все совершенные к тому моменту деяния царя:

«Да в старые годы, прежние,
во те времена первоначальные,
когда воцарился царь-государь,
а грозны царь Иван Васильевич,
что взял он Царство Казанское,
Симеона-царя во полон полонил
с царицею со Еленою,
выводил он измену из Киева,
что вывел измену из Нова-города,
что взял Рязань, взял и Астрахань»²².

Такая очередность является в основном логической. Выстраивая ее, сказитель не оперирует понятиями времени, а указывает на событийную последовательность²³. Насколько длительный срок прошел между этими событиями, ему не известно.

Подобных примеров в сборнике довольно много. Порядок былин о Садко устанавливается благодаря указанию на построенные им храмы. В первой он возводит церковь во имя Николы Можайского²⁴, а во второй святой Николай спасает его от морского царя и возвращает в Новгород, где Садко «узнаёт» свою церковь²⁵. Василий Буслаев сперва собирает удалую дружину²⁶, а затем вместе с ней едет в Иерусалим²⁷. Освобожденный из темницы Ермак был послан турецким царем из Азова в Москву²⁸, но «загулялся» по дороге, участвовал в драке, закончившейся убийством персидского посла Семена Коромышева²⁹, и был вынужден бежать в Сибирь, «взяв» которую все же получил расположение Ивана Грозного³⁰.

С большей или меньшей точностью по порядку можно расположить лишь песни, объединенные одним персонажем. Но даже эти песни перепутаны и разбросаны по книге.

---

¹⁷ Там же. С. 65, 281.

¹⁸ Там же. С. 255.

¹⁹ Там же. С. 327.

²⁰ Там же. С. 65.

²¹ Там же. С. 249.

²² Там же. С. 281.

²³ Исторически взятие Казани произошло раньше женитьбы Ивана Грозного на Марии Темрюковне.

²⁴ Кирша Данилов. С. 240.

²⁵ Там же. С. 296.

²⁶ Там же. С. 94.

²⁷ Там же. С. 161.

²⁸ Там же. С. 272.

²⁹ Там же. С. 118.

³⁰ Там же. С. 125.

Никакой единой, сквозной исторической цепочки в сборнике не прослеживается. И потому на вопрос: «Понимал ли Кирша, что Василий Буслаев жил раньше Ермака, и насколько раньше?» — сложно ответить однозначно. Возможно, сам он этим вопросом даже не задавался.

При этом нельзя сказать, что временные категории сказителя вообще не интересуют. Напротив, он уделяет большое внимание течению времени, только не внешнего, а внутреннего, такого, каким оно было для персонажей. Оно измеряется годами («три годы Добрынюшка стольничал... Он стольничал, чашничал девять лет, на десятой год погулять захотел»³¹, «Будет Васинька семи годов»³², «Немного житья было — полтора года»³³ и т. д.), месяцами («а и не было Добрыни шесть месяцев (по нашему-то сибирскому слово полгода)»³⁴), неделями («А и едут неделю споряду и едут неделю уже другую»³⁵), сутками («едет уж сутки, другие, в четвертые сутки след дошел»³⁶, «Не корми маэора целы сутки»³⁷), временем суток («Он днем стреляет, в ночи те стрелки собирает»³⁸, «день к вечеру вечеряется, красное солнце закатается»³⁹), часами («будет Вольх в полтора часа»⁴⁰, «Как бы дал мне сроку на три часа»⁴¹), церковными службами и праздниками («в соборе ударят к вечерне в колокол»⁴², «с весны до Троицова дни»⁴³). Все эти временные характеристики существуют внутри сюжета и не дают ему какой-либо локализации в общем течении исторического процесса.

Таким образом, «движения» истории, в современном его понимании, в сборнике не прослеживается. Древность изображена Киршей как обобщенное «прошлое», куда попадали события разной степени давности вплоть до XVI—XVII в. Акцентируя внимание на «внутреннем» времени каждой из старин, Кирша не пытается расположить их в какой бы то ни было хронологической последовательности. Время каждого отдельного сюжета остается замкнутым и практически не имеет выхода в общее историческое время.

* * *

Совсем иначе дело обстоит с географической привязкой песенных сюжетов. Из 71 песни сборника 45 начинаются точным указанием места, где происходили те или иные события: «В стольном городе во Киеве»⁴⁴, «А и деялося в Орде, передеялось в Большой»⁴⁵, «На славной Волге реке, на верхней изголове, на Бузане острове»⁴⁶, «За рекою переправою, за деревнею Сосновкою»⁴⁷, «А под славным было городом под Ригою»⁴⁸, «Во Сибирской во украине, во Даурской стороне»⁴⁹ и т. д. Очевидно, что мы имеем дело с установившейся в народном творчестве нормой песенного зачина, требующей в первых же строках пояснения того, где происходят дальнейшие события.

³¹ Там же. С. 86.

³² Там же. С. 94.

³³ Там же. С. 199.

³⁴ Там же. С. 90.

³⁵ Там же. С. 106.

³⁶ Там же. С. 109.

³⁷ Там же. С. 274.

³⁸ Там же. С. 57.

³⁹ Там же. С. 199.

⁴⁰ Там же. С. 72.

⁴¹ Там же. С. 114.

⁴² Там же. С. 197.

⁴³ Там же. С. 127.

⁴⁴ Там же. С. 86.

⁴⁵ Там же. С. 61.

⁴⁶ Там же. С. 118.

⁴⁷ Там же. С. 250.

⁴⁸ Там же. С. 262.

⁴⁹ Там же. С. 278.

Множеством географических упоминаний пестрит и дальнейшее повествование старин. В них употребляются названия более 50 городов и поселений⁵⁰, 32 реки⁵¹, зарубежные земли и государства⁵², этнические группы⁵³, моря, острова, горы и т. д.⁵⁴ Сам по себе их перечень уже весьма красноречив и демонстрирует не только хорошую географическую осведомленность Кирши, но и большое внимание к сохранению географических деталей в песенной традиции, откуда он почерпнул свои знания. Значительная часть наименований встречается в сборнике неоднократно, почти все они реальны и географически локализуемы, их звучание практически не искажено.

Нанеся географические названия на карту, можно увидеть, что большинство топонимов сосредоточено в центральной части России. Гидронимы же покрывают почти всю территорию страны: в европейской части названы в основном те реки, на которых стоят крупные города, а в Сибири они выступают в качестве основных казачьих маршрутов. Такая карта, конечно, весьма условна: у нас нет оснований полагать, что сам Кирша знал точное местонахождение всех географических объектов, которые встречаются в его старинах. Однако иногда песни просто поражают точностью указания координат:

«Промеж было Казанью, промеж Астраханью,
а пониже города Саратова,
а повыше города Царицына,
из тое ли было Нагорную сторонушки
как бы прошла-протекла Камышевка река,
своим устьем она впала в матушку Волгу-реку»⁵⁵.

Отвлечемся от реальной географии и попытаемся восстановить пространственную картину, изображенную Киршей. В ее основе — россыпь городов. Частота их упоминания в сборнике позволяет выстроить некоторую иерархию, в которой заметно выделяются Киев (назван 128 раз), Новгород (46 раз) и Москва (42 раза)⁵⁶. Эти три города являлись столицами в разные эпохи и,

⁵⁰ Здесь и далее перечень географических названий дается в алфавитном порядке, цифрами указано количество прямых упоминаний в сборнике без учета и с учетом повторов внутри одной песни (производные типа «Илья Муромец», «киевский князь» и т. п. при подсчетах не учитываются): Азов (2/7), Астрахань (4/9), Вологда (1/2), Вольнец (2/3), Галич (2/4), Губанье (1/1), Енисейский городок (1/1), Жорнов (1/1), Зарайский город (1/1), Иерусалим (Ерусалим) (5/21), Иркутск (1/1), Казань (3/3), Канакжа (1/2), Киев (20/128), Комарский острог (1/9), Конотоп (1/3), Карачаево (1/2), Кострома (2/3), Красная мыза (1/1), Куракин (1/2), Леденец (1/2), Лютик (1/1), Малый Киевец (1/1), Москва (13/42), Муром (2/3), Мяденские юрты (1/1), Нижний Новгород (1/1), Новгород (10/46), Новый Торжок (только в форме «Новоторженин»), Орешек (1/2), Плес (1/2), Покидош (1/3), Преображенское (1/1), Рига (1/6), Романовское (1/4), Ростов (1/3), Рязань (3/6), Руда (1/1), Саратов (1/1), Селенденский острог (1/2), Смоленск (1/3), Сосновка (1/1), Суздаль (только в форме «Суздадец»), Тверь (1/8), Углич (2/8), Усоля (2/3), Уфа (1/1), Царицын (1/1), Царьград (2/3), Черкасский городок (1/1), Чернигов (3/11), Шлюшенбурха (1/1), Якутск (1/1).

⁵¹ Амур (1/3), Ахтуба (протока) (2/5), Баранча (1/2), Булат (1/1), Волга (7/24), Волхов (Волх) (2/7), Днепр (Непр) (7/10), Дон (5/8), Дунай (1/1), Енисей (1/2), Ердань (3/12), Епанча (1/1), Жаравль (1/1), Израй (1/7), Иртыш (1/1), Казанка (1/1), Кама (1/2), Камышевка (1/3), Комара (1/1), Москва-река (2/5), Сафат (3/8), Селенга (1/3), Серебряная (1/2), Сибирка (1/1), Смородина (3/15), Тагил (1/2), Тобол (1/5), Тура (1/1), Уфа (1/1), Чергега (3/4), Чусовая (1/2), Яик (1/1).

⁵² Алыберское царство, Астраханское царство, Греческая земля, Загорская земля, Задонское царство, Индейское царство, Казанское царство, Литовская земля, Орда (Большая, Золотая, Крымская, «Нагай»), Половецкая земля, Польская земля, Саксонская земля, Свицкая земля; Корела, Могозья (фигурируют как земли).

⁵³ Алоторы, башкирцы, бухары, жиды, казаки (донские, гребецкие, яцкие, запорожские хохлячи), калмыки, мунгалы, русаки, сорочина долгополая, татары (в том числе крымские), турки, черкасы пятигорские, чудь белоглазая, чукши. Производные от этнонимов: бойдоский, еврейский, латынский, литовский, немецкий, персидский, польский, саксонский, сорочинский, черкесский, шведский, школьский (датский).

⁵⁴ Байкал, Брынские леса, Бузан-остров, Волме-горы, Даурская сторона, Змеявая гора, Илмень-озеро, Каспийское море, Коловинские острова, Крым, Куминский остров, Магницкого гора, Малороссия, Матица-остров, Медведь-камень, Сибирская сторона (Сибирская украинна), Сионская гора, Смоленские грязи, Сорочинские горы, Соуксанская лука, Фаор-гора, Хвалынское море, Чевылецкий плес, Шингальский хребет.

⁵⁵ Кирша Данилов. С. 276.

⁵⁶ См. примеч. 50.

как можно заключить, обладали высоким статусом в народном сознании⁵⁷. Однако объяснение их популярности в сборнике лежит не только в исторической, но и в художественной сфере.

Особенностью, характерной для песенного фольклора любого периода, является наделение географических объектов определенными сюжетными функциями [Неклюдов, 2003]. В данном случае это прежде всего места действия старин («В славном великом Нове-граде»⁵⁸), и именно они упоминаются в сборнике наиболее часто. Привязка к ним событий является достаточно жесткой и почти никогда не изменяется в песенной традиции: Владимир всегда правит в Киеве, Иван Васильевич — в Москве, Садко и Василий Буслаев неизменно ассоциируются с Новгородом. Этот факт стал одним из ключей к систематизации фольклора в историографии (вспомним общепринятые понятия — «Новгородский цикл», «Киевский цикл»). Отдельную группу составляют города, связанные с происхождением действующих лиц («Из славнова Ростова, красна города»⁵⁹), — они указываются лишь при первоначальном изложении биографии героя, а в отдельных случаях могут быть реконструированы исходя из прозвищ персонажей (Суroveň Суздедец, Костя Новоторженин). Некоторые из многократно повторяемых топонимов оказываются частями устоявшихся словесных формул, которые сказитель использует при необходимости. Таковы места, через которые обычно пролегает богатырский путь («Грязи смоленския и лесы брынския»⁶⁰), и места происхождения материальных или духовных ценностей («Сыгриш сыграл Царя-града, танцы навел Ерусалима»⁶¹).

Несмотря на то что сам Кирша во всех этих городах, очевидно, не был, его представления о них вовсе не ограничиваются безликим перечнем названий. Песни хранят яркие характерные образы, передающие их внутреннюю атмосферу и своеобразие:

«Да много было в Киеве Божьих церквей,
а больше того — почестных монастырей, —
а и не было чуднея Благовещения Христова!»⁶²;
«А и покрай было моря синего,
что на устье Дону-то Тихова.
На крутом красном бережку,
на желтых рассыпных песках
а стоит крепкой Азов-город
со стеною белокаменною,
земляными роскатами,
и ровами глубокими,
и со башнями караульными»⁶³.

Четыре города наделены микротопонимикой:

1) Новгород: Волхова улица, Юрьевская улица, Терентьевская слобода, Терентьев двор, храм Софии Премудрой, храм Николы Можайского, храм Стефана-архидьякона, храм Воздвижения («Крест Эдвиженья»), Волхов («Волх-река»), Ильмень;

2) Киев: улица Игнатьевка, Маринин переулок, монастырь «Благовещения Христова», Днепр;

3) Москва: Красная площадь, Александрова слобода, «Иван Великий», «Софея Премудрая», «Урей Поволжский», Москва-река; среди прочих городских объектов также

⁵⁷ Современная для Кирши столица, Санкт-Петербург, ни разу не была им упомянута.

⁵⁸ Кирша Данилов. С. 94.

⁵⁹ Там же. С. 171.

⁶⁰ Там же. С. 301.

⁶¹ Там же. С. 138.

⁶² Там же. С. 324.

⁶³ Там же. С. 270.

названы государев дворец и царь-колокол; без привязки к конкретному городу упомянут храм св. Николая на Мясницкой улице («Никола Месницкий»⁶⁴);

4) Уфа: Ямская слобода, Уфа-река.

Особое значение Новгорода, Киева и Москвы мы уже отмечали. Уфа, возможно, была близка непосредственно уральскому сказителю. Впрочем, Ямской слободы, по замечанию В. И. Байдина, там никогда не существовало [Байдин, с. 117–118]. Александрова слобода, Поволжский Урей («протока» в русских говорах Зауралья) и явно «перенесенная» из Новгорода «Софья Премудрая» являются частью Москвы также только в воображении Кирши.

Наряду с городами существенную роль в формировании географического пространства играют реки. В «Древних российских стихотворениях» они выступают в качестве основных путей сообщения («По славной матушке Волх-реке бегут-побегут тридцать кораблей»⁶⁵), в виде преград на пути героя («Потому-то коню цены не было — за реку-то он броду не спрашивал»⁶⁶), являются границей с чужим враждебным миром («взял в запас чингалиша булатное, пошел за Сафат-реку»⁶⁷).

Сюжетные функции рек, в отличие от городов, кажутся более гибкими и могут быть различными в разных песнях. По Днепру в Киев прибывает Соловей Будиминович⁶⁸ («Прибежали корабли под славной Киев-град, якори метали в Непр-реку»⁶⁹), его же были вынуждены переезжать (как препятствие) сухопутные путешественники («Поехали к городу Чернигову, а и только переехали быстрого Непра»⁷⁰), он же мог выполнять роль пограничья («Становился Калин у быстра Непра, сбирался с ним силы на сто верст во все те четыре стороны»⁷¹). В редких случаях реки выступают даже как олицетворенные персонажи (Волга просит Садко: «Поклонися от меня брату моему, а славному озеру Ильмену!»⁷²; Река Смородина показывает добру молодцу броды, а после топит за похвальбу⁷³).

Пространство вне рек и городов рисуется как малообитаемое и в целом недружелюбное. Это либо «темный лес»⁷⁴, где скрываются разбойники, либо «чистое поле» — место двух проявлений воинской удали — охоты и сражений с неприятелем: «Ничего мы в поле не наезжавали, не наезжавали зверя прыскучева»⁷⁵, «А съезжались в чистом поле Пожарской-боярин с татаринном»⁷⁶ и т. д. Образ бескрайнего поля, отражавший изначально природу южнорусских степей, проецируется в старинах и на позднейшие северные войны: «Что много-де силы в поле той швецкой»⁷⁷, «Далече во чистом поле, на литовском на рубиже, под Смоленским городом»⁷⁸. В реальности, как отмечал В. О. Ключевский, «еще в XVII в. западному европейцу, ехавшему в Москву на Смоленск, Московская Россия казалась сплошным лесом, среди которого города и села представлялись только большими или малыми прогалинами» [Ключевский, с. 70–71].

Довольно условными оказываются и представления Кирши о зарубежных государствах и иноязычных этносах. Несмотря на солидный перечень наименований, фигурирующих в сборнике⁷⁹,

⁶⁴ Там же. С. 347.

⁶⁵ Там же. С. 296.

⁶⁶ Там же. С. 375.

⁶⁷ Там же. С. 173.

⁶⁸ Там же. С. 41.

⁶⁹ Там же. С. 43.

⁷⁰ Там же. С. 142.

⁷¹ Там же. С. 213.

⁷² Там же. С. 235.

⁷³ Там же. С. 261.

⁷⁴ Там же. С. 301.

⁷⁵ Там же. С. 154.

⁷⁶ Там же. С. 250.

⁷⁷ Там же. С. 274.

⁷⁸ Там же. С. 318.

⁷⁹ См. примеч. 52 и 53.

при их употреблении возникает наибольшая путаница. Согласно песне «Мастрюк Темрюкович», Иван Грозный берет себе жену Марью Темрюковну (в реальности дочь кабардинского князя) в Золотой Орде⁸⁰, при этом она называется «купавой крымской»⁸¹, ее родной брат — «молодым черкашенином»⁸², а в свиту невесты входят «триста татаринов, четыреста бухаринов и пятьсот черкашенинов»⁸³. В песне о Скопине-Шуйском Московское царство вместе с «литвой» осаждают «чудь белоглазая» (финно-угры), «сорочина долгополая» (сарацины), «черкасы петигорские», «калмыки с татарами», башкирцы, «чукши» (чукчи) и «алюторы» (коряки)⁸⁴, а посланник, отправленный за помощью «во Свицкую землю, Саксонскую», оказывается «в Полувецкой орде, у честна короля, честнова Карлуса»⁸⁵. Более или менее четкое изображение в песнях получает лишь образ Иерусалима, духовного центра христианского мира и места паломничества сорока калик со каликою⁸⁶ и Василия Буслаева⁸⁷.

Даже с учетом этих неточностей и фактических ошибок географическая картина старин представляется довольно целостной и системной. Ее объекты взаимосвязаны друг с другом: малые реки впадают в большие, большие — в моря, в морях находятся острова, а на реках стоят города («Не тыя-та Камы, коя в Волгу пала, а тоя-ты Камы за синем морем, своим устьем впаде в сине море»⁸⁸; «На славном море Каспидкием, на том острову на Куминскием»⁸⁹, «Под славным великим Новым-городом, по славному озеру по Ильменю»⁹⁰).

Само развитие сюжета, как правило, связывается с перемещением в географическом пространстве [Неклюдов, 2015, с. 125–135]. Герои переезжают из одного города в другой, отправляются в военные походы или уезжают за море торговать, встречаются послов из далеких стран и сами притворяются послами. «Люди замечают то, что движется, и не видят неподвижного», — констатировал своеобразный закон жанра Д. С. Лихачев [Лихачев, 1979, с. 209]. Расстояния между объектами измеряются иногда длительностью пути («Прямым путем бежать в Ерусалим-град семь недель, а окольной дорогой — полтора года»⁹¹), а иногда и мерами длины («из Киева бежать до Чернигова два девяноста-то мерных верст»⁹², «Подходили под Казанское Царство за пятнадцать верст»⁹³). Все эти цифры, пусть и условные, создают в воображении картину единого географического пространства.

Сознательное отведение географической привязке стержневой роли в изображении событий хорошо прослеживается на примере предположительно авторских старин Кирши Данилова. Одной из них является песня о сибирском походе Ермака, которую, по мнению исследователей, Кирша мог сложить, основываясь на уральских и западносибирских преданиях и легендах [Горелов, 1961; Путилов, 1958]. Казачий поход передан в ней с сохранением мельчайших подробностей маршрута и указанием мест и длительности остановок⁹⁴: р. Чусовая («где бы Ермаку зима зимовать») — р. Серебряная («та зима проходит, весна настает») — р. Жаравль — р. Баранча — р. Тагил — Медведь-камень («Жили они тут, казаки с весны до Троицова дни») — р. Тура — р. Епанча («и тут они жили до Петрова дни») — р. Тобол — Мяденски

⁸⁰ Кирша Данилов. С. 65.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 66.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. С. 244.

⁸⁵ Там же. С. 242.

⁸⁶ Там же. С. 202.

⁸⁷ Там же. С. 161.

⁸⁸ Там же. С. 56.

⁸⁹ Там же. С. 163.

⁹⁰ Там же. С. 161.

⁹¹ Там же. С. 163.

⁹² Там же. С. 81.

⁹³ Там же. С. 247.

⁹⁴ Там же. С. 125–131.

юрты — р. Иртыш (полонив татарского царя Кучума, Ермак жил там «с Покрова до зимняго Николина дня», после чего отправился в Москву, куда прибыл «на канун праздника Христова дня»). Столь значительное внимание к сохранению географических деталей демонстрирует их исключительную важность для сказителя.

Ю. А. Новиков отмечал, что для Кирши, как и для других исполнителей, был «важен сам принцип обязательного номинирования персонажей, государств, городов, рек, гор и других природных объектов» [Новиков, 2009, с. 185]. От этого принципа Кирша не отказывается не только в исторических описаниях, но и в шуточных скоморошинах:

«А статью починать —
статью сказывать:
а и города все,
пригородья все, —
малую деревню —
и ту вспомануть!»⁹⁵.

Итак, русская история находит отражение в старинах как процесс, не столько растянутый по времени, сколько раскинутый географически. Максимально точно фиксируя и сохраняя из поколения в поколение место действия, народная память практически не уделяет внимания хронологии воспетых ею событий. Топонимы становятся для Кирши не только ключом к упорядочиванию прошлого, но и способом соотнесения прошедших событий с современностью. Об этом свидетельствуют его комментарии: «В полуденную сторону походом пошли... еще ноне тут Малороссия!»⁹⁶, «В Орешке, по нынешнему названию Шлюшенбурха»⁹⁷, «Доселева Резань она селом слыла, а ныне Резань словоет городом»⁹⁸. Степень достоверности тех или иных фактов в простонародном сознании подтверждалась привязкой их к реально существующим местам. Неоднократно отмечалось, что даже на рубеже XIX—XX в. северные сказители, попадая в Киев, в первую очередь искали там «Маринкину улицу» и места действия былин киевского цикла [Лихачев, 1979, с. 225]. В этом просматривается некоторое противопоставление песен сказкам, действие которых, наоборот, как правило, происходит в неопределенном «некотором царстве, некотором государстве». Демонстративный отрыв от реальной географии служит в этом случае способом переноса в воображаемый мир. «Сказка — складка, а песня — быль», — гласила народная мудрость [Даль, с. 629].

Литература

- Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.
Байдин В. И. Кирша Данилов в Сибири и на Урале. Историко-биографические этюды. Екатеринбург, 2015.
Барз М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987.
Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 447–483.
Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 2000. С. 115–142.
Горелов А. А. Трилогия о Ермаке из Сборника Кирши Данилова // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.—Л., 1961. Т. VI. С. 344–376.
Горелов А. А. Кем был автор сборника «Древние российские стихотворения» // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.—Л., 1962. Т. VII. С. 293–312.
Горелов А. А. Заветная книга // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым.

---

⁹⁵ Там же. С. 363.

⁹⁶ Там же. С. 244.

⁹⁷ Там же. С. 273.

⁹⁸ Там же. С. 297.

СПб., 2000. С. 4–40.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

Даль В. И. Пословицы русского народа. СПб.–М., 1879.

Добровольский Б. М. О нотных записях в «Сборнике Кирши Данилова» // Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. С. 405–413.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. Пг., 1918.

Коллингвуд Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.

Колотова Н. И. Лексическое своеобразие былин Кирши Данилова. АКД. Курск, 2007.

Лихачев Д. С. Эпическое время русских былин // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия. М., 1952. С. 55–63.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М., 2015.

Неклюдов С. Ю. Столичные и провинциальные города в уличной песне XX века: топоника и топонимика // Euro Orientalis. 2003. № XXII. С. 71–86.

Неклюдов С. Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. М., 2015.

Новиков Ю. А. Былины из сборника Кирши Данилова в контексте севернорусской традиции // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения — 2003». Петрозаводск, 2003. С. 96–100.

Новиков Ю. А. Динамика эпического канона. Из текстологических наблюдений над былинами. Вильнюс, 2009.

Плисецкий М. М. Историзм русских былин. М., 1962.

Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1999.

Путилов Б. Н. К вопросу о сюжетном составе и истории сложения песенного цикла о Ермаке // Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М.–Л., 1958. С. 38–48.

Путилов Б. Н. «Сборник Кирши Данилова» и традиции русского фольклоризма XVIII в. // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР П. Н. Беркова. XVIII век. Сб. 7. М.; Л., 1966. С. 28–35.

Путилов Б. Н. Эпическое сказительство. М., 1997.

Смирнов Ю. И. Былины. Указатель произведений в их вариантах, версиях и контаминациях. М., 2010.

Шакинко И. М. Кирша Данилов и Урал // Урал. 1989. № 12. С. 145–147.

Якубовская Е. И. «История на голосу...»: о напевах Сборника Кирши Данилова // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. СПб., 2000. С. 381–401.